

ГЛАВА 1

ПОЧТИ ВЫПОТРОШЕННАЯ ГРЕЙС

— Грейс —

У меня странное ощущение в голове. Вообще-то странное ощущение у меня всей, и я понятия не имею, в чем тут дело.

Я думаю о последних нескольких минутах, пытаюсь понять, почему я чувствую себя такой потерянной, без руля и без ветрил, но вижу перед собой только одно — лицо Джексона. Он улыбается мне, пока мы идем по коридору школы и обмениваемся шутками по поводу...

И все возвращается. Из меня рвется истошный крик, и я инстинктивно отшатываюсь от клинка Хадсона.

Вот только никакого клинка нет — я понимаю это, когда отшатываюсь назад.

Нет ни Хадсона.

Ни Джексона.

Ни коридора — нет самой школы *Кэтмир*. Есть только огромная темная пустота, в которой я паникую от растерянности.

Где я?

Куда все подевались?

Что означает эта странная невесомость, заполняющая каждую клетку моего существа?

Неужели брат Джексона в самом деле убил меня этим мечом?

Неужели я умерла?

Эта мысль вползает в уголок моего сознания, и у меня перехватывает дыхание.

Паника перерастает в ужас, когда мои глаза вглядываются в чернильно-черное ничто, окружающее меня. Я отчаянно ощупываю собственное тело, пытаюсь отыскать след смертельного удара. Пытаюсь подтвердить — или опровергнуть — гипотезу о том, что я умираю *или уже умерла*.

Боже, я не хочу быть мертвой. Эта мысль пронзает меня. Пожалуйста, я не хочу быть мертвой или — хуже того — быть призраком.

Одно дело встретиться с вампиром, но — *пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста* — я не желаю быть призраком — не желаю быть призраком, навечно поселившимся в коридорах школы Кэтмир, призраком Почти Выпотрошенной Грейс.

Но, закончив ощупывать себя, я не нашла на своем теле ран. Не нашла крови.

Нет даже боли. Только это странное онемение, которое все не проходит и от которого мне становится все холоднее.

Я моргаю, чтобы прояснилось зрение, но безрезультатно, тогда я тру глаза, а затем снова заставляю себя оглядеться, не обращая внимания на потные ладони.

Но ничего не меняется. Меня по-прежнему окружает тьма — причем такая, в которой нет ни луны, ни звезд, — есть только небо, такое же черное и пустое, как ужас, что нарастает внутри меня.

— *В самом деле? Такое же черное и пустое, как ужас, что нарастает внутри тебя?* — спрашивает насмешливый голос с безупречным британским акцентом внутри моей головы. — *А не слишком ли это мелодраматично?*

За последние пару недель я уже привыкла к тому, что голос внутри моей головы говорит мне, как остаться в живых, но то, что я слышу теперь, звучит совсем иначе. Кажется, этот голос хочет причинить мне боль, а не помочь.

— Кто ты? — спрашиваю я.

— *Да неужели? Значит, вот как ты формулируешь свой главный вопрос?* — Он зевает. — *Ух, как оригинально.*

— Ну хорошо, тогда, может, ты просто скажешь мне, что происходит? — спрашиваю я голосом, который звучит намного тоньше — и испуганнее, — чем мне хотелось бы.

И все же я прочищаю горло и спрашиваю снова:

— Кто ты? Чего ты хочешь от меня?

— *По-моему, это я должен задавать тебе вопросы, принцесса, поскольку это ты притащила меня сюда.*

— Я притащила тебя сюда? — Мой голос пресекается. — Что за чушь? Это же я оказалась здесь в ловушке и даже не знаю, где находится это самое *здесь*, не говоря уже о том, что мне совершенно непонятно, с кем я говорю. Разумеется, у меня есть вопросы, к тому же здесь слишком темно, так что я ничего не вижу.

Он производит какой-то звук, который должен выражать сочувствие, но нет, это совсем не так.

— *Да, последнюю часть можно легко решить...*

В моей груди вспыхивает надежда.

— Как?

Он выпускает тяжелый вздох:

— *Включи этот чертов свет. Как же еще?*

В пустоте гулко отдается резкий щелчок выключателя, и через полсекунды мир вокруг нас затапливает яркий свет.

ГЛАВА 2

ПРОСТРАНСТВО СОЗНАНИЯ, ПРОСТРАНСТВО РАЗГОВОРОВ, НИКАКОГО ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

— *Грейс* —

В мои глазные яблоки вонзается боль, и две нескончаемые секунды я моргаю, словно крот, только что вылезший из-под земли. Но, когда снова обретаю способность видеть, понимаю, что я нахожусь в комнате — в огромной комнате размером с половину футбольного поля со стоящей передо мною стеной, уставленной книжными полками от пола до потолка.

Верхние из этих полок уставлены свечами всевозможных размеров и форм, и на мгновение меня охватывает трево-

га. Но, оглядевшись, я вижу, что рядом не видно алтаря. Не видно ни сосудов с кровью, ни какой-нибудь жуткой книги заклинаний, предназначенной для того, чтобы отправить меня в загробный мир.

На мой взгляд, это хороший знак. Потому что я не могу еще раз стать принесенной в жертву. Наверняка в этом плане я уже исчерпала свой лимит.

Оглядевшись еще раз, я вижу, что в комнате, где я оказалась, нет ничего страшного. Собственно говоря, место похоже на мебельный магазин, где выставлены образцы из модного каталога.

Три стены, не уставленные книжными полками, выкрашены белой краской, и везде стоят лампы и висят люстры, омывающие пространство мягким теплым светом. Мой взгляд скользит по великолепной мебели — современной и в стиле рустик — в белых, бежевых и черных тонах. Комната разделена на восемь разных зон с помощью ковров и кресел.

В одной из них стоят две громадные черные металлические полки с пластинками и шкаф с компакт-дисками и DVD. Дальше видно что-то вроде тренажерного уголка, стрельбища и игровой зоны с большим телевизором с плоским экраном и удобнейшим диваном с разбросанными по белым диванным подушкам игровыми джойстиками. Есть и спальная зона с большой белой кроватью, и библиотечная зона с бесконечными рядами книг, заполняющими бесчисленные полки, уголок для чтения с акцентной стеной, кухня и ванная комната, расположенная сзади.

Все это выглядит почти что умиротворяюще.

Если, разумеется, не считать бестелесного голоса в моей голове. Голоса, который совершенно точно не принадлежит мне или моему сознанию.

— *Тебе нравится эта акцентная стена? Она выкрашена в черный цвет, как в бренде «Армани»,* — говорит он, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы не бросить ему в лицо, что он может сделать со своим *черным цветом бренда «Армани»*, не говоря уже о своем британском акценте. Но не стоит настраивать против себя этого парня,

кем бы он ни был, тем более что я по-прежнему понятия не имею, где нахожусь.

И вместо этого я решаю попытаться — еще раз — получить ответы.

— Почему ты устроил все это?

Следует тяжелый вздох:

— *Ну вот, ты опять снимаешь слова у меня с языка.*

Я так перепугана, что до меня не сразу доходят его слова. А когда это происходит, я вскрикиваю и всплескиваю руками:

— Я же тебе уже сказала — это устроила не я! Я даже не знаю, что это такое.

— *Извини, что я мешаю твоему самообману, но это однозначно устроила ты. Потому что вампиры способны на многое, но точно не на это.*

С каждым словом его британский акцент становится все больше и больше ощутимым, и меня вдруг охватывает глупое желание захихикать.

— Ты вампир? — спрашиваю я.

— *Ну, я же не человековолк. И раз я не тыкаю огнем и не размахиваю волшебной палочкой, то подумай сама — кем еще я могу быть?*

— Я не знаю, чем ты там размахиваешь — потому что не вижу тебя, — огрызаюсь я. — Где ты? И, главное, кто ты такой?

Он не отвечает — что не удивляет меня. Но прежде чем у меня появляется возможность сказать что-то еще, за моей спиной раздается тихий звук, похожий на шелест шелка.

Я резко поворачиваюсь, подняв кулаки, и вижу очень высокого и очень красивого парня с прической помпадур на голове, одетого в строгую черную шелковую рубашку и классические брюки. Он стоит, прислонившись плечом к книжной полке, и смотрит на меня прищуренными ледяными синими глазами, засунув руки в карманы.

До меня не сразу доходит, кого именно я вижу, но, когда доходит... Боже. О. Боже. Это Хадсон. Где бы эта комната ни находилась — чем бы она ни была, — я заперта в ней. Вместе со старшим братом Джексона, этим социопатом.

ГЛАВА 3

НЕ ОТКАЖУСЬ ОТ ЧАШКИ ПРОЩАЛЬНОГО «АНГЛИЙСКОГО ЗАВТРАКА»

— Грейс —

От одной этой мысли у меня падает сердце и по спине начинает стекать нервный пот. Но, если мое краткое пребывание в Кэтмире меня чему-то и научило, так это тому, что сверхъестественным существам ни в коем случае нельзя показывать, что ты их боишься... во всяком случае, если ты надеешься выбраться из передраги живым.

Поэтому вместо того, чтобы завопить во все горло — а этого части меня отчаянно хочется, — я смотрю на него с прищуром и, готовая к любому развитию событий, говорю:

— Похоже, дьявол в самом деле носит «Гуччи».

Он фыркает:

— Я же уже сказал тебе, что я вампир, а не дьявол, — хотя, думаю, тебе можно простить эту ошибку, поскольку тебя угораздило связаться с моим непутевым младшим братом. И, чтобы ты не пугалась, это не «Гуччи», а «Ар-мани».

Это последнее слово он произносит с почтением, которое я приберегаю для вишневого печенья «Поп-Тартс» и газировки «Доктор Пеппер», которые спасают меня во время интенсивной учебы.

Я едва не прыскаю от смеха и, наверное, и впрямь бы рассмеялась, если бы до сих пор не была в шоке от осознания того, что этот парень в самом деле Хадсон. Во плоти. А значит, тот момент в коридоре Кэтмира, когда я подставила себя под удар меча, вовсе не был глюком. План Лии сработал — Хадсон в самом деле вернулся в мир живых. И по какой-то неведомой мне причине я заперта вместе

с ним в этой комнате, которую как будто скопировали из каталога магазина Pottery Barn.

В моей голове проносятся воспоминания обо всем том, что я слышала о нем в последние несколько недель, и я вы-
давливаю из себя:

— Ну и что ты рассчитываешь получить в итоге?

— Я уже говорил тебе, что это твоя вечеринка, а не моя. — Он с презрением оглядывается по сторонам. — И, похоже, тут не так уж и весело, ты не находишь?

— Господи, какой же ты придурок. — Меня охватывает злость, порожденная ощущением бессилия и перекрываю-
щая страх, который я, вероятно, должна ощущать. Я знаю, что этот малый — хладнокровный убийца, но он к тому же ужасный зануда. — Ты не мог бы на секунду забыть, что ты психопат, и сказать мне, чего ты хочешь?

Сперва у него делается такой вид, будто он собирается продолжить пререкаться со мной, но затем его лицо стано-
вится непроницаемым, и он отвечает:

— Разве не ясно? Я хочу устроить чаепитие. — Он про-
износит это с явным британским акцентом. — Очень наде-
юсь, что тебе нравится чай «Эрл Грей».

Мне ужасно хочется сказать, куда он может засунуть свой «Эрл Грей» — и свой сарказм. Но у меня есть дело поважнее.

— Если ты воображаешь, что я помогу тебе причинить вред Джексону, то этого не будет. — Я скорее погибну от его рук, чем позволю ему превратить меня в оружие, направ-
ленное против парня, которого я люблю.

— Я тебя умоляю. Если бы я хотел причинить вред это-
му недоумку, он бы уже был мертв. — Его голос звучит бес-
страстно, и у него делается скучающий взгляд, когда он вы-
нимает из нагрудного кармана платок кобальтового цвета
и начинает полировать стекло своих дорожных часов.

Ну да, конечно, сейчас нет ничего важнее, чем полиров-
ка дорогих часов.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — говорю я, бросив
на него скептический взгляд. — Но разве не он убил тебя?

— Значит, вот что этот придурок всем говорит? Что *он* убил *меня*? — Он насмешливо фыркает: — Черта с два.

— Поскольку дней десять назад я приняла участие — прошу заметить, против своей воли — в обряде, целью которого было твое воскрешение...

— Так вот откуда взялся весь этот шум? — перебивает он меня, зевнув. — А я-то все это время думал, что ты участвовала в прослушивании на самый выразительный вой среди человековолков.

В ответ на это оскорбление я щурю глаза:

— Знаешь, ты еще больший мудака, чем мне говорили.

— А какой смысл быть меньшим мудаком? — спрашивает он, вскинув одну бровь. — Моя дорогая мамочка всегда учила меня, что уж если я за что-то взялся, то надо стараться быть в этом деле самым первым и самым лучшим.

— Та самая «дорогая мамочка», которая напала на Джексона, когда ты умер? — ехидно отзываюсь я.

Он замолкает.

— Значит, вот откуда у него взялся этот шрам? — Он все так же не отрывает взгляда от своих часов, но сейчас в его голосе впервые за время нашего разговора не звучит сарказм: — Ему следовало бы быть умнее.

— Ты хочешь сказать — ему не следовало убивать тебя, несмотря на все, что ты сделал?

— Ему не следовало подпускать ее близко, — бормочет он так, будто мыслями улетел далеко-далеко. — Я пытался... — Он замолкает на середине предложения и трясет головой, будто желая прояснить мысли.

— Пытался сделать что? — спрашиваю я, хотя это не важно. Ведь не могу же я в самом деле верить чему-то из того, что он говорит.

— Теперь это уже неважно. — Он пожимает плечами и снова принимается полировать свои часы и ухмыляться с таким видом, что мне хочется одновременно закричать и утереть ему нос.

Я засовываю руки в карманы — чтобы не попытаться придушить его, — и моя правая рука нащупывает то, от

чего мое сердце охватывает радость. Я выхватываю телефон и торжествующе поднимаю его:

— Я просто позвоню Джексону, чтобы он забрал меня и разобрался с тобой раз и навсегда!

Хадсон что-то бормочет, но я не обращаю на него внимания. Мое сердце бешено колотится, когда я открываю мессенджер. Поверить не могу, что мне не пришло в голову использовать телефон раньше. Я прикусываю губу, раздумывая над тем, что написать. Я совсем не хочу, чтобы Джексон переживал из-за моей безопасности, но мне очень хочется, чтобы он появился сюда. И в конце концов я решаю написать короткое сообщение.

«Со мной все в порядке. Но я где-то заперта вместе с Хадсоном. Присылаю координаты».

Я нажимаю на кнопку «отправить», затем прокручиваю вниз и нажимаю «поделиться геопозицией». И жду.

Через несколько секунд смартфон сообщает мне, что отправить сообщение не удалось, и я едва не плачу, обнаружив, что мобильный сигнал отсутствует. Сморгнув слезы, я засовываю телефон обратно в карман и говорю то единственное, что может иметь значение:

— Я хочу вернуться в Кэтмир.

— Само собой. — Должно быть, Хадсон понимает, что мой телефон не работает, потому что он рукой указывает на украшенную затейливой резьбой деревянную дверь в нескольких футах: — Дерзай.

— Ты привел меня сюда не через эту дверь. — Я не понимаю, откуда мне это известно, ведь все обстоятельства моего путешествия сюда выпали из памяти, но откуда-то я это знаю.

— Повторяю — я тебя сюда не приводил, — отвечает он все с той же самодовольной ухмылкой.

— Не лги мне, — скрежещу я. — Я *знаю*, что это сделал ты.

— Да ну? — Он приподнимает одну безупречную бровь: — Что ж, раз ты знаешь *все*, просвети меня. Пожа-луйста. Как именно я, по-твоему, смог сделать *все это*?